ISSN 0236-2007 ISSN 0236-2007

UFTOBEK 3.1992

Истории Тимофеева-Ресовского, рассказанные им самим

ФОНОГРАФ

Б**ÓРОВСКИЙ КРУТ** И ДРУГИЕ ТРЕПЫ

Я уже говорил, что в Москве еще наметил для себя основные направления работы. И за границей продолжал то, что было уже начато в Москве. Основные направления своей работы менять особенно не следует, а нужно действовать так, как действуется. Когда я уезжал, я был взрослый человек, 26 лет, чего там... Ежели человек до 26 лет ничего хорошего не придумал, так он и дальше не придумает ничего особенного! Я, следовательно, наметил продолжение и расширение работ по трем основным темам. При этом я постарался наладить работу на тот манер, на который налаживал работу в Москве, и не только в смысле основной тематики научной.

У нас в Москве, как я рассказывал, был замечательный четвериковский кружок Дрозсоор,— коллоквий, где мы трепались на всякие научные темы. Кое-что новенькое при этом рождалось. Там, в Дрозсооре, зародилась идея создания нового направления в эволюционном учении — воссоединения современной генетики с классическим дарвинизмом. Все это я решил и тут, в Германии, возобновить. Затеял тоже такой лабораторный семинар или треп. Собирались мы, обыкновенно, каждую вторую субботу или у меня дома, или иногда в лаборатории, в вечернее время после работы, когда всякая посторонняя публика уходила.

Так как мои сотрудники заграничные, новые для меня люди, были генетически совсем еще невинны в смысле тех новых направлений, которые мы начали в Москве, пришлось их приучать к этой нашей новой проблематике: заставлять читать, заставлять делать доклады, заставлять размышлять. И, таким образом, подобралась у меня очень симпатичная и талантливая компания. За время моего пребывания за

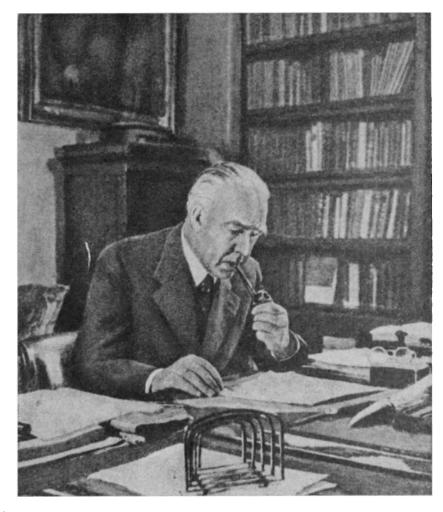
Н. В. Тимофеев-Ресовский дома во время беседы. Обнинск. 1974 год.

Продолжение. Начало № 2—6, 1991, № 1—2, 1992. © Научной библиотеки МГV

MAMAMA

ФОНОГРАФ

MAMAMA

Нильс Бор

границей лаборатория моя из шести человек превратилась в огромный, по заграничным понятиям, отдел — около восьмидесяти человек, с несколькими группами или лабораториями. К концу двадцатых годов и кружок наш разросся, упорядочился и стал постоянным. Он просуществовал до самого конца моей буховской лаборатории и сыграл довольно большую роль в развитии как наших наук, связанных с моим отделом генетики и биофизики в Кайзер Вильгельм институте, так и вообще в развитии европейской биофизики и биофизической генетики.

Надо сказать, что я сотрудников, так же как и потом здесь, брал с большим отбором. Никогда не брал, когда мне сверху кого-нибудь присылали или просили: «Возьмите, ради Бога. Мы даже можем вам подбросить несколько тысяч, только возьмите,— симпатичный человек» (или иногда человечица). Я не брал сразу. Пусть сперва появится, поговорит, а потом волонтером поработает. Я посмотрю, что он представляет из себя. И ежели подходил для нас — возьму, не подходил — не возьму. И появлялись действительно интересные люди. Набралось много бесплатных работников: приезжали иностранцы на разные сроки — англичане, французы, скандинавы разные, даже американцы. Их я с разбором брал, потому что народ дикий все-таки.

Истории Тимофеева-Ресовского, рассказанные им самим

Американцы — это не англичане. Англичан я очень люблю и уважаю. А американцы — это туземцы. Вот. У них не разберешь. Все они называются американцы, а это либо евреи, либо мексиканцы. Канадцы симпатичные бывали. И затем много братушек стало появляться, как услышали, что в Бухе практически русская лаборатория. У нас в лаборатории основным, государственным языком был русский, конечно, но пользовались и немецким, и английским, и французским, и всякими другими.

В связи с этим делался все интереснее и интереснее наш треп — семинар буховский. По субботам обыкновенно приезжали из Берлина и из всяких других городов люди и появлялись у нас. В конце 20-х годов начала формироваться квантовая механика, и постепенно складывалась новая физическая картина мира взамен старой, наивной, основанной, в общем, на лапласовом детерминизме. Оказалось, что, в сущности, никакой мировой формулы нету, и что причинность работает не так, как раньше это представлялось. Причинность оказалась вероятностной в своей основе, а не детерминистской. Это все вошло в наш буховский треп помаленьку. В начале 30-х годов я сдружился и, так сказать, втянул в наши работы Макса Дельбрюка. Он был чисто теоретический физик, ученик Макса Борна и Нильса Бора. Я его,

На VII Международном генетическом конгрессе. Эдинбург. 1939 год. Справа А. Буццати-Траверзо, в центре Н. В. Тимофеев-Ресовский

MMMMMM

ФОНОГРАФ

mamama

в сущности, переманил в биологию теоретическую. Он сейчас очень крупный вирусолог и теоретический биолог в Америке, нобелевский лауреат, вообще очень замечательный человек. Тогда он был молодой человек и, как смолоду все крупные теоретики, немножко нагловат, но это ничего. Мы с ним тоже нагло обращались, так что он обтесался очень быстро у нас и стал вполне приемлемым молодым человеком.

Так же, как и во всех своих кружках прилабораторных, я обращал внимание не только на специальные интересы. Все люди, которые привлекались на наши буховские субботы, обыкновенно обладали и какими-то художественными интересами: либо музыкой, либо живописью увлекались, либо литературой или поэзией. Почти все мы

страдали кое-какими философическими интересами.

Иногда мы объединялись по субботам днем у Сережки Жарова. Хор донских казаков Сергея Жарова — замечательный был хор. Это, вообще, лучший хор. У нас хоровое пение почему-то почти совсем погибло. Вот я на днях слушал опять этот александровский хор. Такая гадость! С сопровождением гармошечным каким-то, ни одной октавы. Вообще, техника хоровая куда-то исчезла совершенно. Народу 250 человек, громкости сколько угодно, а звучности никакой. Черт знает что! А у Сережки Жарова 30 мужиков. И хор совершенно изумительный! Люди все были образованные, интеллигентные, все донские казаки. Жаров один из немногих был, кто аранжировать мог все, что угодно, в ладах, а не в мажоре или миноре, в старинных ладах, знал гласы, знал каноны. Русские песни, казацкие, солдатские, церковные песнопения и затем всякая мура: романсы в хоровом переложении. Вот «Очи черные», как они, черти, пели эти «Очи черные» — это ужас!

Они в год в общей сложности месяца три проводили в Берлине и в Германии. А остальные 8—9 месяцев проводили в прочем мире, включая Новую Зеландию. Так вот, у них был свой субботний коллоквий. Иногда кто-то из них, либо сам Жаров делал какие-нибудь музыкальные или хоровые «доклады». Потом всякие проезжающие через Берлин русские люди, музыканты: Рахманинов, Стравинский, Гречанинов, бывая в Берлине, всегда бывали у Сережки Жарова и делали доклады с иллюстрациями. Такой музыковед Рудольф Васильевич Энгель, я до сих пор помню, три доклада сделал, три субботы подряд, о русском колокольном звоне и производстве колоколов. Затем писатели, Бунин выступал, Борис Зайцев, Куприн, по-моему, раз приезжал в Берлин. Иногда из Советской России появлялся ктонибудь случайно, но это прекратилось в 30-м году совершенно. А до тридцатого еще Держинская была, по-моему, Петров, бас замечательный, Богданович, Ершов — знаменитый драматический тенор. Гришку Кутерьму совершенно гениально пел. В Париже ставили «Китеж», и они все проезжали через Берлин в Париж. Держинская — деву Февронию пела, Василий Родионович князя Юрия, Богданович княжича Всеволода, а Ершов — Кутерьму. Масса интересных людей.

Я там первый доклад делал о популяционной генетике, о вызывании мутаций и о том, как мы в революционные годы помогали Грабарю реставрировать фрески во Владимире. В 18-м году, по-моему, или в 19-м, между какими-то военными приключениями мы расчищали трубящих ангелов в Дмитровском соборе во Владимире. Одним словом, у Сережки Жарова был тоже очень интересный коллоквий, но совершенно по другой линии. Но так как мы с Жаровыми дружили, то иногда кого-нибудь из того коллоквиума мы затягивали в Бух, а иногда кто-нибудь из нас там что-нибудь выкомаривал.

Помаленьку налаживались у нас и, так сказать, внешние связи. Мы с Дельбрюком, по-моему, в начале 30-х годов стали ездить в Копенгаген к Нильсу Бору. Нильсушка Бор очень интересный человек был. Это, конечно, был самый умный человек ХХ века. И до сих пор никого умнее его и крупнее нету. Это очень крупный человек, очень умный человек, очень замечательный человек, исключительный по добропорядочности и во всех отношениях. Нильс Бор. И у Бора в 30-х годах (начала я не застал — еще тогда не был туда вхож) в Копенгагене, в его теоретическом институтике по мере надобности, обыкновенно раза два-три в год, на недельку собирались все крупные теоретики, так от 15 до 25 человек со всего мира потрепаться. Эти сборы назывались Bohrs Kreis — кружок или круг боровский. Это была совершенно приватная затея, ничего официального. Приезжали только те, кого приглашали, и помаленьку сформировался дружеский круг, в который новые люди втягивались старыми друзьями. С 33 года я более или менее постоянно там бывал. Несколько раз у Бора жил, в этом его дворце знаменитом.

новые люди втягивались старыми друзьями. С 33 года я более или менее постоянно там бывал. Несколько раз у Бора жил, в этом его дворце знаменитом.

Дело в том, что Бор в плане своих теоретических представлений заинтересовался некоторыми физическими аспектами жизненных явлений. Под его влиянием и ряд других крупных физиков-теоретиков заинтересовались кое-какими биологическими проблемами. А, как я уже говорил, Николай Константинович Кольцов, мой учитель и замечательный русский экспериментальный зоолог, еще в начале века занялся интереснейшими экспериментальными работами и теоретическими рассуждениями о кое-каких физико-химических процессах, про-

исходящих в живой клетке. В частности, с 16 года он развивал гипотетическое представление о физико-химическом строении хромосом,

в которых сидят гены — наследственные факторы, составляющие в сумме всю наследственную информацию организма.

Тут надо сказать, что общий интерес к проблеме гена заключается вот в чем: гены, наследственные факторы, несомненно, самые занятные и самые существенные элементарные жизненные явления. Они образуют так называемый код наследственной информации, то есть они определяют то, что человеческие «бабели рожают ребенков», а кобылицы — жеребенков, а мадам рак — маленьких раков и т. д. И что свинья никогда не родит человека... Хотел сказать наоборот, но, к сожалению, человеки часто свиней изрядных рожают. Одним словом, в генах заложена вся, так сказать, потенциальная структура любого организма будущего.

Особенно замечательна была работа Кольцова 27-28 года, вышедшая и по-русски в виде доклада на одном из зоологических съездов, и по-немецки и ставшая известной повсеместно. Называлась эта работа «Физико-химические основы морфологии». В ней была дана теоретическая схема физико-химической структуры хромосом. В начале 30-х годов Кольцов написал еще одну, тоже очень интересную теоретическую работу о физиологии генов, о том, как происходит первичное развитие организма под влиянием этой наследственной информации с точки зрения, в общем, физико-химических представлений.

В связи с этим я был совершенно готов, в отличие от многих заграничных биологов, к непосредственному восприятию пробудившегося под влиянием Бора у физиков интереса к биологической проблематике. На этой основе и получился у нас с Нильсушкой Бором стык некий. Я и Мёллер сделали сообщения о наших представлениях о природе мутаций генов в боровском кругу в Копенгагене. Принимали мы

Истории Тимофеева-Ресовского, рассказанные им

MAMAMA

ФОНОГРАФ

aaaaaa

с Дельбрюком участие в различных рассуждениях о значении современных физических гипоте́з и, так сказать, общих принципов в том, что происходит в живых организмах.

Из всего этого к концу 30-х годов, к сожалению, довольно поздно, родилось еще одно трепотологическое предприятие. Боровский коллоквиум был в основном, конечно, физическим, а не биологическим, там с конца 20-х годов и до самой войны строилась и развивалась современная теоретическая физика, современная физическая картина мира. Значит, у господ физиков было своих дел до черта. А нам, нескольким биологам, в основном генетикам, заинтересовавшимся этим промежуточным генетико-физическим уровнем рассуждений, было интересно, конечно, вовсю потрепаться, не ограничиваясь временем, не мешая физикам и чтобы физики нам не мешали. И мы с Эфрусси решили затеять нечто свое, в основном биологическое, но с привлечением биологически наиболее заинтересованных физиков, тоже интернациональное. В мировом масштабе! Чего там стесняться! Не в уездном же масштабе делать дела.

Борис Самойлович Эфрусси тоже был когда-то кольцовским учеником еще в Университете Шанявского, потом попал за границу, жил в Париже, стал заместителем директора Института физико-химической биологии. Борис Самойлович — замечательный русский человек, биолог, он одним из первых начал заниматься культурой ткани, потом перешел на генетику, работал в области мутационного процесса, теории генов, феногенетики и популяционной генетики, микроэволюции. Я ввел его в боровский круг, и когда мы решили свой треп организовать, то появилась у нас такая идея.

В Европе тогда стало все больше и больше пахнуть жареным, подготовлялась война. Политикой занимались всякие великие державы, политики все были скверные, конечно, одни скверные так, другие сяк. Самые скверные были — в Германии да у нас... Но были в Европе и тихие, смирные небольшие страны, та же Дания, Скандинавские страны, Бельгия, Голландия. Завоевывать им было некого, но вместе с тем они очень не хотели быть завоеванными... Но пока у них было мирно-тихо, жили как-то даже без полиции почти что. Полиция была незаметна, регулировала движение на улицах и ловила жуликов, когда жулики крали что-нибудь. И выросла у нас такая идея, очень поддержанная Бором: в Дании, Голландии и Бельгии, в трех маленьких странах собираться раз-два в год, как Бор в Копенгагене. Кому-то, чуть ли не Борису Самойловичу Эфрусси, первому пришла субгениальная идея: собираться в самом шикарном дорогом курорте вне сезона, когда курорт пустой, и в самом лучшем отеле почти задарма можно поселиться.

Затруднение было в том, что среди физиков теоретические физики самые, конечно, бедные, потому что они ничего не изобретают, денег ниоткуда не зарабатывают, красть им негде и нечего. И мы, генетики, люди тоже, в общем, теоретические и нищие среди всяких других. Но все уже взрослые, семейные; дом, жена, дети... Так что нам разъезжать-то вроде как бы трудновато. И помог нам рокфеллеровский фонд, помните, я о них уже рассказывал*. Поговорили мы в Париже с представителями фонда, и они сказали: «С удовольствием. Сколько нужно, пожалуйста!» В Германии уже валютные всякие трудности начались. Правда, в Германии можно было в любую страну билет купить, но разрешалось уже только десять марок вывозить. Поэтому рокфеллеровские эти деньги на Эфрусси в Париже выписывались. А он нам всем посылал на проезд, кому сколько надо.

См. «Германия. Начало работы» // Человек, № 1, 1992.

Оказалось, действительно, так, как Эфрусси и предполагал: за гроши можно было на недельку снять почти пустой отель. Нас, предполагалось, будет от 15 до 20 человек. Так и было. В среднем 17—18 человек собиралось. Из всех европейских стран. Ну, не из всех — из многих. Собирались физики, физико-химики, даже один биохимик настоящий. Биохимиков ведь очень мало на свете. Те, кто у нас называются биохимиками, это средней руки органические аналитики, и никакого отношения к биохимии они не имеют. Мы как-то с Циммером написали, что, к сожалению, биофизикой называют все те случаи, когда медики и биологи работают со слишком сложной для себя аппаратурой. На самом деле биофизика — это стык элементарных биологических структур и явлений с физико-математической интерпретацией этих структур и явлений. А биохимия — это теоретическая физико-химия биологически активных макромолекул. Давно еще ктото из хороших немецких химиков сказал: «Биохимией, к сожалению, часто называют те случаи, когда скверные химики делают грязные и плохие работы на малоподходящем для химии материале». Так это не биохимия!

Так вот. Приезжал к нам из Англии замечательный цитолог Дарлингтон. Затем обыкновенно кто-либо: либо Чэдвик, либо Блэкетт — крупные атомные физики, старшие ученики Резерфорда. Затем Холдейн, из Франции замечательный теоретический и космический физик Пьер Оже и Франсуа Перрен, теоретический физик, очень крупный, сын знаменитого Жана Перрена, который перреновские частицы открыл. Затем Рапкин — настоящий биохимик, замечательный человек, очень милый, просто душка! Конечно, сам Борис Самойлович Эфрусси, французский русский. Из Италии — Андриано Буццати-Траверзо, мой ученик такой. Он вот на днях был в Москве, мы с ним 34 года не виделись и увидались теперь. Он какой-то теперь крупный деятель при ЮНЕСКО. Половину жизни в Париже проводит, половину в Риме.

Из Италии еще Амальди был, замечательный теоретический физик. Затем из Швеции Касперсон, совершенно замечательный человек, экспериментальный цитолог Густафссон, ботанический генетик, цитолог и селекционер. Из Германии был такой замечательный цитолог Ванечка Баур, Ханс Баур — мой друг и Ханс Штуббе, тоже мой друг, ботаник и генетик, селекционер. Затем Циммер, мой физик. Да, из Англии был еще Астбюри, замечательный физик. И все у нас очень хорошо прошло. Побывали мы и на датских, и на голландских, и на бельгийских курортах, очень приятных и шикарных, действительно, почти совершенно пустых, практически в полном нашем распоряжении. К сожалению, поздно мы до этого додумались: все прекратилось в 39 году. Война. Ведь не забывайте: европейская война в 39, а не в 41 началась, на два года раньше. И очень хорошо все у нас сработало.

Наши коллоквии мы организовали так же, как я все свои кружки и коллоквии организовывал. На каждое собрание назначался провокатор, задачей которого было провоцировать дискуссию. Он обыкновенно не докладывал чего-нибудь длинного, а формулировал какую-нибудь проблему в афористическом и немножко юмористическом смысле и тоне, чтобы было посмешнее да позабористей и провоцировало дискуссию. Основное правило: никакой звериной серьезности. Для серьезного развития серьезных наук нет ничего пагубнее звериной серьезности. Нужен юмор и некоторая издевка над собой и над науками. Тогда все будет процветать.

Вот, кстати, одна известная история с Бором. Как-то, совершенно

Истории Тимофеева-Ресовского, рассказанные им

MMMMMM

ФОНОГРАФ

MAMAMA

самостоятельно, из Мюнхена приехал к Бору на один из трепов молодой, якобы подающий надежды, немецкий теоретический физик, приват-доцент и очень серьезный молодой человек. Все были удивлены, что он явился без приглашения и назвали его правильно наглым немцем. Он все отсидел и пришел в полный ужас. А боровские коллоквии — они веселые. Особенный мастер по тихой издевке — Дирак, Шредингер тоже мог запустить очень злую издевку. Издевались часто над самим Бором, и Бор тоже умел издеваться, ежели нужно, неплохо. Вообще, хохм разных там было полно. Вот немец после этого коллоквиума подошел к Бору, когда все гуляли в институтском парке, и говорит: «Херр профессор, все это очень интересно, конечно, но я в ужасе: ведь у Вас совершенно несерьезный тон. Издевались даже над Вами, херр профессор. Что же это такое!?» На что Бор ответил: «А знаете, коллега, Вы, наверное, это не ощущаете еще, но ведь у нас в физике сейчас происходят такие замечательные, интересные и важные вещи, что остается только гаерничать». Вот и у нас тоже процветал такой гаернический дух.

А я не рассказывал вам еще про копенгагенский метод изучения женской красоты? Выдумал это впервые, по-моему, Гамов — русский физик. Он первый, кажется, предложил: «Все мы интересуемся, по мере сил, хорошими бабами и всякая такая штука. Есть такие чудаки, которые уверяют: «Ах, в Париже много хорошеньких женщин». Все это совершенно неопределенно, некритично и неточно утверждается. А женская красота, как и все остальное, легко и просто поддается статистическому изучению». И была разработана такая простая метода. Физики-теоретики и вообще теоретики, такие, как я, то есть все участники теоретического копенгагенского круга, все завели у себя такие маленькие тетрадочки, ну как раньше в школах для иностранных слов. И где бы они ни собирались и когда бы ни собирались, проходя или гуляя по улицам, где-нибудь бывая, в ресторанах, в кафе — все равно, ставили всем встреченным женщинам отметки по пятибалльной системе с плюсами и минусами, и ставили дату и место. Все регионы Европы были распределены. Америку, Африку, другие континенты мы не принимали во внимание, Советский Союз отпадал по политическим причинам: туда не пускали, никто там не собирался из порядочной публики, и что делалось в Советском Союзе — никому не было известно.

Каждым крупным регионом Европы заведовал один или два крупных теоретика. Например, Бор и его заместитель Вайскопф ведали Данией, Швецией, Норвегией, Исландией... Затем Чэдвик и Блэкетт — два крупнейших теоретика и атомщика английских, ведали Англией, Шотландией, Ирландией и, по-моему, Голландией. Пьер Оже и Франсуа Перрен, французы, ведали Францией и Бельгией. Затем Розетти — замечательный теоретик итальянский и прекрасный знаток жуков и прекрасный знаток аммонитов — ископаемых моллюсков, ведал Италией и Балканами. Затем Шредингер ведал Австрией, Чехословакией, Венгрией и Швейцарией. Гейзенберг и Йордан — Германией и Польшей. Так вот вся Европа и была поделена. Значит, ведающие теоретики собирали материал, и он подвергался совершенно первосортной, на высшем уровне, математико-статистической обработке. А начальствующие теоретики на основании этих обработок строили изокалы. Для многих стран это стало возможно уже к началу мировой войны, материала было достаточно. Изокалы — это все равно, что изобары или изотермы — изолинии. Только изотермы — это линии, соединяющие точки с одинаковыми средними температурами, а изокалы (от греческого «калос» — красота) — это кривые, соединяющие точки с одинаковой средней бабьей красотой.

У Розетти в Римском университете кабинет помещался в старом таком palazzo. Это была высоченная комната, и на одной стене, во всю стену висела карта Италии и прилегающей части Балкан, Югославии и Греции, и на ней были изображены эти изокалы. Очень высокие пики, в среднем чуть пониже пятерки, но выше четырех с плюсом, были во Флоренции и в регионе на север от Флоренции, в Северной Тоскане. Затем окрестности Милана — тоже четверка с лишним, в среднем. Пятерка с плюсом ставилась в исключительных случаях и всегда требовала особого дознания с пристрастием. Так вот самый пик — это была Болонья, затем район Сплита в Далмации и на юг от Сплита, к Албании.

А ведь у вашего брата, знающего мир преимущественно по изящной словесности, представления часто совершенно превратные: «ах, итальянки, ах, итальянки!» К югу же от Рима, собственно уже и в Риме, итальянки — это помесь лягушки с обезьянкой, вообще-то говоря. Еще в 15-летнем возрасте туды-сюды, а к 25 годам в ней уже 100 килограммов, понимаете, с хвостиком, выползает она из всех юбок и неизвестно, что у нее на морде в свое время было. Ужас! А среди еще более старых южных итальянок есть, наоборот, совсем высохшие, скелеты, обтянутые кожей, буквально живые ведьмы. Вот значит, как дело обстоит. Очень печально дело обстоит, между прочим, с Парижем и Францией. Опять-таки потому, что изящная ваша словесность путает часто хорошую одёжу с содержимым хорошей одёжи. В Париже славится, и не зря, женская мода по части элегантности, но уж француженки красотой, вообще-то, не отличаются, хотя и элегантностью тоже не всегда. Так что не доверяйтесь во всем изящной словесности, врет она часто.

Очень высокий пик есть в южной луговой Ирландии, на юг от Дублина. Известно было качественно и без особых доказательств давно, что ирландки попадаются замечательные. Сколько помнится, там, в Ирландии кое-кто пару пятерок с плюсом поставил, несмотря на веснушки. Это особый такой ирландский фенотип — рыжеватые и даже рыжие с зелеными глазами — бывают совершенно замечательные, на пятерку. Затем очень высокие есть пики в Норвегии, но в южной Норвегии есть и провалы. Немки в некоторых местах южной и западной Германии — совсем неважнец, прямо надо сказать. А вот прусачки, особенно северные и северо-восточные, на границе с Польшей — «на ять» попадаются. И там средние изокалы были довольно высокие из-за этого. В Восточной Польше, тоже, но это, по-видимому, наше влияние уже. Хотя в Польше опять-таки есть и ужасные провалы. Так что, пики изокал связывать непосредственно со страной в целом очень трудно. Во всех более или менее больших странах есть и провалы и пики, кроме, пожалуй, Югославии. Там высшие пики в Далмации, но один или два высоких пика есть и в старой Сербии. Замечательные бывают темноволосые сербки с серыми глазами, как у нас в южной части Великороссии. Вот такие результаты крупного научного исследования теоретического!

(Продолжение следует)

Материал подготовлен М. В. РАДЗИШЕВСКОЙ Истории Тимофеева-Ресовского, рассказанные им самим